

СПРОСИТЕ любого «равнинного» жителя, каким он представляет горца. Ответ, полагаю, будет примерно одинаковым — выскочек, стройный, в черкеске, в кинжалом. Баграт Васильевич Шинкуба, перешагнувший рубеж 65 лет, тем не менее представлению о типичном горце полностью соответствует. Без особого труда можно вообразить его всадником на коне, путником на горной тропе или рассказчиком в кругу друзей (что, конечно, не является горской привилегией, но тем не менее неотъемлемая часть его образа).

Я шел, я падал, и вставал,
И находил, и сомневался,
Нарабался по спинам снам
И на подъемах задыхался...

Шинкуба-поэт рассказывает о вещах, которые никого не могут оставить равнодушным, — о любви и ненависти, о чести и подлости, о преодолении высоты и падении в пропасть. Могут

В ГОСТЯХ У ПИСАТЕЛЯ

Баграт
ШИНКУБА:

У СЛОВА ЕСТЬ ДУША...

возразить: разве не об этом же говорят все поэты со своими читателями? Видимо, дело в степени дарования, искренности разговора, в том запасе душевного, духовного опыта, который один только дает художнику право голоса, который позволяет вести речь от имени поколения, от имени целого народа.

«Баграт Шинкуба по возрасту ровесник Октября... Однако мне хотелось бы добавить, что когда мы говорим как о ровеснике Октября о поэте такого народа, как абхазский, народа, у которого именно после Октября возникла собственная литература, собственный театр, собственная историческая наука, — то тут время как бы дополнительно спрессовывается», — писал К. Симонов.

Это трудно — судить о творчестве поэта, пишущего на языке, тебе неизвестном. Наверно, как всегда бывает при переводе, что-то существенное теряется, пропадает, уходят какие-то оттенки. Но Б. Шинкубе «достались» хорошие переводчики — А. Межиров, Я. Козловский, Р. Кабакова и Ю. Нейман, В. Державин и Б. Ахмадулина, Е. Николаевская и С. Куняев, М. Алигер, К. Симонов, М. Луконин и другие — хотя бы по этому перечню поэтических имен, представленных в первом из двух томов «Избранного» Баграта Шинкубы, вышедшего в издательстве «Художественная литература», можно судить о том, что его стихи содержат нечто привлекающее и просто читателей, и столь высокопрофессиональных литераторов — иначе зачем же им было бы братья за перевод?

Сам Баграт Васильевич вспоминает, что писать хотелось с ранних лет (недаром одно из стихотворений отно-

сится к 1930 году — автору тогда было 13!). Но разве ответит поэт, что стало источником его песни — близость ли к родному селу Члоу пещеры, где, по преданию, был прикован Абрскил, абхазский Прометей, или величественные горные хребты, из-за которых каждое утро вставало солнце, услышанные в детстве сказания или жадное стремление учиться, передать другим живое слово родного народа?

— Писались стихи с юности, всю жизнь, пишу их и сейчас, — говорит Б. Шинкуба. — Но насколько же стало труднее! Я стал таким придирчивым к своим строкам, я ищу не только новые мысли, меня не устраивает прежняя форма, хочется иного звучания. И вот еще что — раньше стихи мои можно было уподобить резвому скакуну, они мчались без отдыха... Но довелось ощутить себя в роли человека, идущего за плугом, рвущего огромные пласты земли. Так прошли годы работы над романом «Последний из ушедших». И теперь, если рождается поэтическая строчка, мне кажется, что в нее перелилась тяжесть глыбы земли, которую я ощущал. Оттого мои стихи кажутся мне более полновесными, «земными». В них стало больше раздумий о жизни и смерти, о достоинстве и любви, но любовь эта не та, что в юности.

тия и проблематику романа так, будто это их касалось кровно. Действительно, вместе с народом исчезли его культура, язык, и это не может не возмущать советского человека — особенно сейчас, в год 60-летия образования СССР, когда на 78 языках наций и народностей нашей страны пишутся стихи, романы, создается национальная литература.

Прошу писателя рассказать о том, что ему наиболее близко в современной советской литературе.

— Стараюсь не упускать все самое интересное в центральных литературных журналах. Меня привлекают и стихи, и проза, и критика, и литературоведческие работы. В. Астафьев, В. Распутин, В. Белов — за их творчеством слежу с самого начала. Важнее всего для меня, когда писатель не просто талантлив, но когда у него есть боль, сострадание, глубокое понимание тех проблем, о которых он решил говорить с читателями. Огромное впечатление произвел на меня айтматовский роман «Буранный полустанок». Такое произведение долго не отпускает от себя.

Что касается меня, то недавно в абхазском журнале «Алашара» вышел мой новый роман «Рассеченный камень», во многом автобиографический, хронологически совпадающий с первыми годами Советской власти в Абхазии. В чем-то роман переключается с «Последним из ушед-

Седые годы юных лет мудрее,
Но почему понять им не дано,
Что делается крепче и нежнее
Годами выдержанное вино!

Баграт Васильевич упомянул роман «Последний из ушедших», и я прошу его рассказать о том, как задумывалось, как собиралось это произведение. Исторический роман посвящен трагической судьбе соседнего с абхазцами народа — убыхов. Они покинули родину в 1864 году, а менее чем через 100 лет народ почти полностью исчез с лица земли.

— Я родился в семье, которой коснулась трагедия махаджирства. Мой прадед и прабабушка, их родственники оказались за морем, там и умерли. Мой дед тоже должен был плыть с ними, но уже в Сухуми перед самой погрузкой на корабль он вместе с бабушкой тайком убежал, вернулся в родные края. И когда потом в доме собирались люди, просившие деда рассказать о пережитом, он сначала долго упорствовал, но после сажал рядом меня, своего единственного любимого внука, и начинал говорить. Так что с самого детства я всем сердцем впитывал эту поминную народную трагедию, а когда стал взрослым, уже как научный сотрудник работал в Абхазском институте языка, литературы и истории, получил возможность ознакомиться с материалами, которые пригодились для подготовки романа. Работал немало в архивах, перерыл горы документов, в том числе и полученных из-за границы, кое в чем помогли друзья, знающие турецкий и арабский языки. Восемь лет жизни моей ушло на этот роман, и я чист совестью, я выполнил тяжелей долг и сказал свое слово. Теперь мой роман переведен, кроме русского, на грузинский, армянский, казахский, эстонский, немецкий, венгерский, болгарский...

Гибель целого народа не может оставлять людей равнодушными. Я вспоминаю, как горячо выступали участники конференции, которая состоялась года три назад на заводе Лихачева. Рабочие, инженеры обсуждали собы-

тия, повествуя о судьбе тех, кто остался в России и дожил до Советской власти. Исползовал в нем немало фольклора, этнографического, исторического материала.

Кстати, это еще один мой большой долг. В свое время как ученый я занимался языкознанием, разрабатывал проблему абхазского языка, сбором народного творчества. Вышли подготовленные мной сборники. Но в моих архивах сохранилось большое количество записей, я встречался с людьми, которые прожили 130—140 лет, бывало и так — человек идет, говорит, а я делаю лишь одному мне понятные пометки в записной книжке — слово, фраза, какой-то «иероглиф». Кроме меня, никто не сможет в этом разобраться, а ведь это целое сокровище — исторические сказания, частушки, прибаутки, древние слова с их объяснением, топонимические названия, легенды, песни, описания народных танцев, этнографические зарисовки... Тех, кто рассказывал мне тогда, давно нет в живых. Сейчас готовлю том, который будет состоять из нескольких разделов — языковедческие исследования, литературно-критические статьи, записи фольклора.

Баграт Шинкуба — народный поэт Абхазии, депутат Верховного Совета СССР. Собственно, и разговор наш проходил в столичной гостинице «Москва» в дни работы высшего органа государственной власти.

Шинкуба улыбается: вспоминает спор с одним стариком — не верил человек, что депутат сможет добиться строительства моста через бурную горную реку.

— Он мне говорит: прежним депутатам не удавалось, и у тебя не выйдет. Что могу сказать? Жителям села, разделенного рекой, чтобы попасть в гости друг к другу, приходилось идти 20—30 километров. Наказы избирателей — закон для депутата. Правительство Абхазии пошло навстречу моей просьбе, и мост скоро будет закончен. Когда ленту перережем, тому старикун придется взять свои слова назад...

Беседу вела
Т. АРХАНГЕЛЬСКАЯ